

— Почему же господин Шан отказывается записывать пластинки? — Чэн Фэнтай одной рукой залез в штанину Шан Сижую, массируя его икру, отчего тот принялся пинать его в живот. — Как жаль, что ты не записываешь свои лучшие выступления! Вот, например, недавно, когда Юй Цин была здесь, а дядюшка Ли еще не заболел, можно было бы записать пару твоих коронных номеров, чтобы у любителей оперы осталась память.

Причина, по которой Шан Сижуй не хотел записывать пластинки, крылась в одной небольшой истории. Шан Сижуй унаследовал характер своего приёмного отца, Шан Цзюйчжэня, — оба любили хвастаться. Когда он впервые записывал пластинки, менеджер компании осыпал его комплиментами, и он, конечно, был в восторге, чувствуя это невероятно почётным. Но позже, после смерти отца и замужества сестры, Шан Сижуй переехал в Бэйпин со своей труппой и стал учеником Нин Цзюлана, которого искренне почитал. Однажды, проходя по узкому переулку, он увидел полуоткрытую дверь, из которой выглядывала женщина с ярким макияжем, с красным бархатным цветком в волосах и расстёгнутой пуговицей на воротнике, опирающаяся на дверной косяк, словно торгуясь с уличным торговцем. Изнутри доносились звуки мужчин, пивших и игравших в азартные игры. Это явно была тайная проститутка. Шан Сижуй хотел быстро пройти мимо, но услышал, как женщина сказала:

— Два больших цента, больше не дам! Поставь мне «Нефритовую шпильку» и «Встречу в тутовом саду» Нин Цзюлана, а если пропустишь хоть куплет, я разобью твой граммофон!

Торговец, нехотя согласившись, зашёл с огромным граммофоном в дом, и вскоре среди звуков веселья зазвучал нежный голос Нин Цзюлана. Шан Сижуй стоял снаружи, и ему казалось, что муравьи грызут его кости. Ему хотелось ворваться внутрь, устроить драку и разбить граммофон вдребезги. С тех пор он стал категорически против записи пластинок. Когда Нин Цзюлан узнал об этом, он рассмеялся:

— Мы поём на сцене, а в зале сидят самые разные люди. Почему же тебе не нравится, что в тайном борделе играют мои пластинки?

Шан Сижуй не мог объяснить это чётко, но он чувствовал: если люди приходят специально послушать оперу, он готов петь даже для приговорённых к казни. Но если кто-то ставит пластинку для развлечения, слушая её, болтая о чём-то непристойном и думая о грязном, Шан Сижуй не хотел этого. Это было словно осквернение чего-то важного в его душе.

Услышав это, Нин Цзюлан посмеялся, сказав, что молодой Шан Сижуй мыслит так же, как старик Хоу Юйкуй, который по той же причине записал всего две пластинки за всю жизнь. В то время Шан Сижуй ещё не был знаком с Хоу Юйкуем.

Из граммофона звучал голос Шан Сижую:

*

— Запутавшись, я вдруг вспомнил момент свадьбы,

В те дни мы знали несколько мгновений нежности.

Я приготовлю шёлковые подушки и покрывала,

Чтобы не упустить драгоценные мгновения этой ночи.

Но он уже устал и заснул,

А я готовлюсь возобновить наш союз.

*

Его пение было настолько проникновенным, что вызывало дрожь.

Чэн Фэнтай поставил бокал и, подойдя к Шан Сижую, ухмыльнулся с недобрым намерением. Шан Сижуй прекрасно понимал значение этой улыбки — для него все улыбки Чэн Фэнтая были похотливыми. Он поднял погремушку и, прикрывая ею лицо Чэн Фэнтая, покачал ею:

— Видишь, забавно?

Чэн Фэнтай выхватил погремушку, отшвырнул её в сторону и начал расстёгивать пуговицы на чаншане Шан Сижую:

— Это не забавно, а вот это — да.

С этими словами он опустился на колени на кушетку, наклонившись над Шан Сижуюем, старательно, но неуклюже расстёгивая пуговицу. Чаншань был новым, и пуговица туго застёгивалась. Шан Сижуй, понимая намерения, покорно запрокинул голову, чтобы облегчить задачу, но при этом насмешливо сказал:

— Ха! Мы в доме твоего шурина! Ты, бесстыдный развратник!

Чэн Фэнтай расстегнул одну пуговицу, но не стал продолжать. Шан Сижуй подумал, что этот развратник, услышав его упрёк, решил исправиться, и уже хотел сесть, чтобы что-то сказать, но Чэн Фэнтай крепко прижал его к кушетке:

— Не двигайся, дай мне посмотреть.

С восхищением он смотрел на Шан Сижую, от подбородка до шеи, на узкую полоску ключицы, выглядывающую из-под воротника, и произнёс:

— Я заметил, что когда на тебе чаншань с расстёгнутой пуговицей, это выглядит одновременно строго и соблазнительно. Женское ципао тоже так сделано, но оно не передаёт этого ощущения.

Шан Сижуй прикрыл шею рукой:

— Тогда пусть Фань Лянь тоже наденет чаншань и каждый день расстёгивает пуговицы для тебя!

Чэн Фэнтай с отвращением представил эту картину. Затем он вернулся к делу, попытался

раздвинуть руки Шан Сижуй, но тот держался крепко, ни за что не желая открывать шею. Этот лицедей был непредсказуем: с одной стороны, он мог быть очень раскованным, как сейчас, когда он не отказался от непристойных намерений, находясь в гостях. Иногда, когда его хвалили за что-то, он даже готов был схватиться за зеркало, чтобы посмотреть на себя. Но в то же время он мог внезапно застесняться и упрямо сопротивляться. Чэн Фэнтай до сих пор не мог понять эту закономерность. После нескольких неудачных попыток он рассмеялся:

— Хорошо, держи, ни в коем случае не отпускай.

Шан Сижуй серьёзно кивнул, его взгляд был по-детски наивен. Чэн Фэнтай, встретившись с ним глазами, почувствовал, как всё его тело зачесалось, а внизу стало невыносимо напряжённым. Он стянул штаны Шан Сижуй до колен, а сам расстегнул только пояс. Из-за отсутствия смазки процесс был трудным, они медленно увлажнялись, терлись друг о друга, покрываясь потом. В конце концов Чэн Фэнтай решил сначала довести Шан Сижуй до оргазма, используя его семя для смазки, и только после этого смог войти.

Чэн Фэнтай с удовлетворением вздохнул и поцеловал икру Шан Сижуй. Тот, испытав оргазм, чувствовал себя словно в тумане, а узкая кушетка и горячее тело Чэн Фэнтай прижимали его к мягкой обивке. Он слышал, как из граммофона звучал его собственный голос, записанный несколько лет назад, и в то же время чувствовал, как мужчина занимается с ним. Даже самый развратный человек в такой момент почувствовал бы странное ощущение, словно его сознание перевернулось. Он слабо попытался оттолкнуть Чэн Фэнтай, глубоко вздохнув. Затем он понял, что ему нравится это чувство, когда Чэн Фэнтай прижимает его.

Чэн Фэнтай, запыхавшись, рассмеялся:

— Господин Шан, прикрой шею! Я уже слишком много увидел!

Шан Сижуй, находясь в полубессознательном состоянии, услышав приказ, тут же крепко прикрыл шею, словно душил себя, выглядело это глупо и смешно. Чэн Фэнтай громко рассмеялся и начал медленно двигаться. Их верхняя часть тела была одета, а нижняя полностью обнажена. Шан Сижуй, под аккомпанемент собственного пения, начал стонать. Чэн Фэнтай не испытывал никаких особых чувств, только возбуждение, поэтому он намеренно усилил движения, заставляя Шан Сижуй издавать звуки.

Когда пластинка закончилась, было уже за полдень, время обеда. Фань Лянь знал, что когда эти двое сходятся, они становятся неразлучными, и обычно одного слугу недостаточно, чтобы их позвать, особенно если это касается Шан Сижуй. Именинник, оставив гостей, лично отправился звать их на обед. Подойдя к двери, он услышал странные звуки, машинально повернул ручку и заглянул внутрь. Чэн Фэнтай и Шан Сижуй действительно были неразлучны — их тела всё ещё были соединены!

Шан Сижуй вскрикнул:

— Ой!

Чэн Фэнтай закричал:

— Закрой дверь!

Фань Лянь, сегодня поговорив с Шан Сижуюем, тоже заразился его глупостью. Закрыв дверь, он оказался внутри комнаты. Теперь, чтобы выйти, ему пришлось бы пройти мимо двух женщин, которые жаловались на жару и отсутствие сквозняка в холле. Они, судя по всему, не собирались уходить. Если бы Фань Лянь вышел, они бы сразу заметили, что происходит в комнате.

Чэн Фэнтай заругался:

— Ослеп, что ли? Не видишь, что дверь открыта!

Фань Лянь, сгорая от стыда, ответил:

— Ты, чёрт возьми, трахаешь лицедея в моём доме! Ты вообще человек?

Он был образованным молодым господином, редко ругался, но сейчас был настолько зол, что подошёл ближе и, понизив голос, продолжил:

— Ты говорил, что между вами только постельные дела! Но это не так! Вы даже не в постели! Я ослеп! Ослеп, поверив твоим словам!

<http://bllate.org/book/15435/1368668>